

НАЙО МАРШ

Найо Марш (1895–1982) –
ярчайшая звезда «золотого века»
английского детектива,
автор 32 романов и множества пьес.
Ее имя стоит в одном ряду с такими
признанными классиками жанра,
как Агата Кристи и Дороти Л. Сэйерс.
За свои литературные достижения
она была удостоена звания дамы-
командора ордена Британской
империи.

НАЙО
МАРШ

ОДНАЖДЫ В РИМЕ

.....

ОБМАНЧИВЫЙ
БЛЕСК МИШУРЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М30

Серия «Золотой век английского детектива»

Ngaio Marsh

WHEN IN ROME
TIED UP IN TINSEL

Перевод с английского *Е. В. Дод* («Однажды в Риме»)
А. Н. Анастасьева («Обманчивый блеск мишуры»)

Серийное оформление *В. Е. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств
Aitken Alexander Associates Ltd и The Van Lear Agency.

Марш, Найо.

М30 Однажды в Риме ; Обманчивый блеск мишуры : [сборник] /
Найо Марш ; [пер. с англ. Е. В. Дод, А. Н. Анастасьева]. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 544 с. — (Золотой век
английского детектива).

ISBN 978-5-17-097548-8

Себастьян Мейлер, владелец туристического бюро, шантажист и тайный наркодилер, проводит экскурсию по базилике Сан-Томмазо. Группа подобралась весьма пестрая. И в ней оказывается Родерик Аллейн, прибывший в Италию в рамках расследования дела о транзите наркотиков. В разгар экскурсии Себастьян пропадает, а вскоре в базилике находят труп...

Представитель древнего аристократического рода Хилари Билл-Тасман выкупает некогда утраченную фамильную усадьбу и собирается восстановить ее. При этом он нанимает в качестве слуг людей, однажды осужденных за убийство. Накануне Рождества Билл-Тасман устраивает пышный банкет, на который приглашает и супругу Родерика Аллейна, известную художницу Трой Аллейн. И в самый разгар торжества один из слуг пропадает, а гости начинают получать анонимные записки с угрозами... Самое время вызывать Родерика Аллейна.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Ngaio Marsh Ltd, 1970, 1972

© Перевод. А. Н. Анастасьев, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-097548-8

ОДНАЖДЫ В РИМЕ

Глава 1

БАРНАБИ В РИМЕ

I

Барнаби Грант разглядывал этрусских супругов, непринужденно возлежавших на своем ложе-саркофаге, и гадал, почему они умерли столь молодыми и скончались ли они, как веронская пара, вместе. Их нежные губы, думал он, тронутые улыбкой удовольствия, готовы изогнуться уголками вниз в улыбке Аполлона и Гермеса. Как они исполнены покоя и как загадочно похожи. Что хотела сказать она жестом своих крупноватых рук? Как трогательно покоилась на ее плече его ладонь.

— ... из Черветери, — заученно проговорил гид. — Пятьсот тридцать лет до Рождества Христова.

— Господи! — с некоторым изнеможением пробормотал турист.

Группа двинулась дальше. Грант некоторое время постоял возле памятника, а затем, уверенный, что ничего больше не желает видеть этим утром, покинул виллу Джулия и взял такси до пьядца Колонна, где решил выпить пива.

II

Сидя на пьядца Колонна за уличным столиком, Барнаби думал об этрусской улыбке и прислушивался к раскатам грома.

В полуденном небе страшно грохотало, но ни одной молнии видно не было, их скрывал черный полог низкой набухшей тучи. В любой момент, подумалось Барнаби, колонна Марка Аврелия проткнет ее, и она, подобно «гнилому бурдюку»*, прольет свои воды.

* У. Шекспир, «Буря», акт II, сцена 2. Пер. М. Донского.

На столике перед ним стояли стакан и бутылка с пивом. Свернутый макинтош был перекинут через спинку стула, а под столом, у ноги Барнаби, стоял запертый кейс. Барнаби поминутно опускал левую руку на чемоданчик и ощупывал его. Успокоенный этим соприкосновением, он расслаблял напряженно поджатые губы, медленно прикрывал глаза и откидывал со лба прядь черных волос.

«Как же это некстати, — размышлял Барнаби. — Как некстати».

Над головой снова грянул тяжелый раскат грома. «Гроза слева, — подумал Барнаби. — Боги гnevаются на нас».

Он снова наполнил стакан и огляделся.

Уличное кафе обычно бывало переполнено, но сейчас, из-за угрозы ливня, многие посетители ушли, и официанты переворачивали стулья. Однако по обе стороны от Барнаби столики были еще заняты: справа сидели трое мрачных молодых людей, бдительно сжимая в загрубелых руках свои стаканы, и неторопливо выпивали, искоса поглядывая по сторонам. «Деревенские парни, — подумал Грант. — Они явно чувствуют себя скованно, а вскоре придут в ужас от суммы счета». Слева расположилась влюбленная римская парочка. По закону им было запрещено целоваться в общественном месте, поэтому они сидели, тесно прижавшись, пристально смотрели друг на друга и обменивались дрожащими улыбками. Молодой человек провел пальцем по красивым губам девушки. Они в ответ шевельнулись. Барнаби невольно загляделся на влюбленных. Молодые люди не замечали ни его, ни, собственно, ничего вокруг, но при очередной яростной вспышке молнии пришли в себя и повернули лица к Барнаби.

Именно в тот момент, как вспоминал позже Грант, он увидел вдаль, словно в раме из силуэтов их отстранившихся друг от друга голов, мужскую фигуру.

И сразу же понял, что это англичанин. Возможно, из-за его одежды. Или, точнее, из-за пиджака. Тот был потерт и немодного покроя, но сшит — хотя, вероятно, не для его нынешнего носителя — из твида, сотканного на юго-западе Англии. А потом — галстук. Обтрепанный и выцветший, в жирных пятнах и потерявший форму: едва узнаваемый, но,

если присмотреться повнимательнее, недешевый, благородный. В остальном его одеяние было неряшливым и непривлекательным. Шляпа мужчины, из порыжелого фетра, была явно итальянской. Низко надвинутая на лоб, она бросала тень на переносицу, на лицо, самой примечательной чертой которого была чрезвычайная бледность. Губы, однако, были красными и довольно полными. Полдень стал настолько сумрачным, что Барнаби едва ли разглядел бы прятавшиеся в тени глаза мужчины, если бы не короткая вспышка молнии. Грант почему-то вздрогнул, когда осознал, что они очень светлые и устремлены на него. В небе грянул гром. Черный полог прорвался, и на землю хлынул потоп.

Началось паническое бегство. Барнаби схватил мокрый плащ, с трудом натянул его и накинул на голову капюшон. По счету он еще не расплатился и стал шарить по карманам в поисках бумажника. Тем временем трое сельчан бросились в его сторону, и между ними и юной парой произошла какая-то размолвка. Барнаби не нашел ничего меньше банкноты в тысячу лир. Он повернулся, искал глазами официанта и обнаружил, что весь персонал укрылся под парусиновым навесом. Обслуживавший Барнаби парень заметил его, жестом выразил отчаяние и отвернулся.

— *Aspetti!* — закричал Барнаби, вспоминая фразы из разговорника и размахивая тысячелировой бумажкой. — *Quanto devo pagare?**

Официант сложил руки, как в молитве, и возвел к небу глаза.

— *Basta!*

— *...lasci passare...*

— *Se ne vada ora...*

— *Non desidero parlare.*

— *Non l'ho fatto io...*

— *Vattene!*

— *Sciocchezze!***

* Подождите! Сколько с меня? (*итал.*)

** Хватит! — ... дайте пройти... — Я сейчас уйду... — Я не хочу говорить. — Это не я сделал... — Убирайся! Дурак! (*итал.*)

Ссора между влюбленным парнем и сельскими жителями разгоралась. Теперь они уже кричали друг на друга за спиной у Барнаби. Официант, все так же жестами, указывал на небо, дождь и выражал собственную беспомощность.

«Ну, я-то все же в плаще», — подумал Грант. И в тот же миг кто-то врзался в него сзади, и Барнаби плашмя рухнул на стол.

Полный хаос сопровождался вспышками молний, раскатами грома и потоками ливня. Барнаби обо что-то порезал руку, и носом шла кровь. Воюющие стороны исчезли, но его официант, вооруженный теперь громадным оранжево-красным зонтом, что-то лопотал над Грантом и безуспешно пытался оказать ему помощь. Остальные официанты, сбившись в кучку под навесом, играли в развернувшемся действе роль хора.

— *Overino!** — восклицали они. — Какое несчастье!

Барнаби выпрямился. Одной рукой он вытащил из кармана носовой платок и прижал к носу, другой протянул официанту окровавленную и промокшую от дождя банкноту в тысячу лир.

— Вот, — сказал он на примитивном итальянском. — Сдачу оставьте себе. Мне нужно такси.

Официант что-то воскликнул с видимым удовольствием. Барнаби резко сел на стул, сиденье которого превратилось в лужу. Официант вставил, по сути, уже не нужный зонт в углубление в середине стола, что-то неразборчиво произнес, поднял воротник своей белой куртки и бросился в кафе. Чтобы вызвать по телефону такси, с надеждой предположил Грант.

Дождь овладел пьядца Колонна. Огромные массы воды топили улицу и тротуары и били струями с крыш автомобилей — это походило на еще один сложный римский фонтан. Не считая редких, стремительно бегущих пешеходов, тротуары были пусты. Съездившись, Барнаби Грант, одинокий и нелепый под оранжево-красным зонтом, вытирал расквашенный нос, привлекая скептические взгляды. Официант куда-то запропастился, а его товарищи завели между собой

* Бедняжка! (*итал.*)

один из тех непостижимых итальянских разговоров, с виду похожий на ссору, но очень часто заканчивающийся похлопыванием по спине и хохотом. Барнаби так и не понял, как долго он просидел под зонтом, прежде чем сделал страшное открытие, когда его левая рука привычно опустилась вниз и натолкнулась на пустоту...

Потом Грант вспоминал, что ему было страшно наклонить голову и посмотреть вниз — и не увидеть ничего, кроме железной ножки стула.

Дальнейшие ощущения, думал он впоследствии, можно было сравнить с тем, что испытывает тонущий человек. Потому что невероятный поток мыслей затопил его мозг. Барнаби подумал, например, о том, как долго он писал эту книгу, что она, бесспорно, лучшая из всех его работ и таковой, возможно, и останется. Он припомнил, как его агент однажды заметил, что опасно писать от руки, не делая копий. Каким же одиноким чувствовал он себя в Риме, практически не говоря по-итальянски, и при этом не потрудился воспользоваться своими знакомствами. Ему вспомнилось, неточно — чье высказывание? Сэра Исаака Ньютона? «О, Даймонд, Даймонд, ты не понимаешь, что натворил!»*

Грант подумал о невыразимой, ужасающей перспективе какого-то противодействия ошеломляющему, безысходному отчаянию его потери — глубинному ужасу самого события, из-за которого в груди словно толкался гидравлический таран. В голове застыла классическая фраза: «Я погиб». И он едва не выкрикнул ее.

И тут появился официант, притворно улыбающийся и торжествующий, а у обочины остановился конный экипаж с громадным зонтом для защиты сидений, голову возницы прикрывало что-то вроде матросской шапки.

Грант попытался сообщить о своей потере. Он показал на то место, где стоял кейс, помогая себе мимикой и жестами,

* По легенде, ученый обратился к своему питомцу с этой фразой, когда его пес по кличке Даймонд опрокинул свечу — и в результате сгорели записи об экспериментах, проводившихся в течение двадцати лет.

затем выхватил разговорник и принялся судорожно его листать.

— Но *perduto*, — нашел нужные слова Барнаби. — Но *perduto mia valigia*. Он не у вас? Мой чемоданчик? *Non trovo. Valigia**.

Официант вскрикнул и глупо заглянул под стол и обвел взглядом затопленные водой окрестности. Затем бросился под навес и встал там, глаза на Барнаби и всем своим видом выражая недоумение.

Барнаби подумал: «Вот оно. Со мной никогда не случилось такой беды».

Возница мелодично позвал его, заставив тем самым очнуться и принять решение. Барнаби посмотрел на окружавшую его пустыню и забрался в экипаж.

— *Consolato Britannico!*** — крикнул Грант. — О господи! *Consolato Britannico*.

III

— Вот что я вам скажу, — проговорил консул, будто информация требовалась Барнаби Гранту, — это неприятное дело, знаете ли. Неприятное.

— Это вы мне говорите, мой дорогой консул?

— Именно. Именно. Итак, подумаем, что можно сделать, не так ли? Моя жена, — добавил он, — большая ваша поклонница. Она очень огорчится, когда узнает об этом. Она в некотором смысле интеллектуалка, — с улыбкой признался он.

Барнаби не ответил. Он пристально посмотрел на своего соотечественника поверх кипы перевязочных материалов, любезно принесенных сотрудниками консульства, и опустил забинтованную левую руку на колено.

— Ну, разумеется, — продолжил с сомнением консул, — это дело, строго говоря, для полиции. Хотя должен сказать... Однако, если вы подождете минутку, я сейчас позвоню.

* Я потерял. Я потерял свой чемоданчик. Не нахожу. Чемоданчик (*итал.*).

** Британское консульство! (*итал.*)

У меня есть личные связи... Согласитесь, ничто так не помогает, как контакты на нужном уровне. Итак, попробуем.

После ряда проволочек состоялась длинная и совершенно непонятная беседа, в ходе которой, насколько понял Барнаби, его назвали самым знаменитым британским романистом. Часто прерываясь, чтобы переспросить Гранта, консул продиктовал подробности происшествия, а когда закончил, рассыпался в благодарностях: «E stato molto gentile... Grazie, molto grazie, Signore»*, понятных даже бедняге Барнаби.

Консул положил трубку и состроил гримасу.

— Не слишком меня там порадовали, — сообщил он.

Барнаби сглотнул и почувствовал дурноту.

Его заверили, что будет сделано все возможное, но, заметил консул, им практически не от чего оттолкнуться, верно? Тем не менее, с большей надеждой добавил он, всегда есть шанс, что Барнаби могут шантажировать.

— Шантажировать?

— Ну, видите ли, взявший кейс, вероятно, ожидал, если не улова в виде ценностей или наличных денег, то хотя бы каких-то документов, за возвращение которых будет назначено вознаграждение и заложена, таким образом, основа для торга. «Шантаж», — проговорил консул, — разумеется, не совсем верное слово. Более уместным было бы «выкуп». Хотя...»

У него была привычка не заканчивать предложения, и это повисло в воздухе, полном чрезвычайного уныния.

— Значит, мне следует поместить объявление и предложить вознаграждение?

— Конечно. Конечно. Мы кое-что предпримем. Дадим моему секретарю подробности на английском языке, а она переведет и поместит в газеты.

— Я причиняю вам беспокойство, — заметил несчастный Барнаби.

— Мы к этому привыкли, — вздохнул консул. — Ваше имя и лондонский адрес значатся на рукописи, вы сказали, но кейс был заперт. Пользы от этого, конечно, никакой.

* Мне было очень приятно... Спасибо, большое спасибо, синьор (итал.).

- Полагаю, да.
- Вы живете...
- В пансионе «Галлико».
- Ах да. У вас есть номер телефона?
- Да... кажется... где-то тут.

Барнаби рассеянно пошарил в нагрудном кармане, достал бумажник, паспорт и два конверта, которые упали на стол лицевой стороной. На обороте одного из них он записал адрес и телефон пансиона «Галлико».

— Вот, — отодвинул он конверт к консулу, который уже успел заметить на нем пышный герб.

— А... да. Спасибо. — Он усмехнулся. — Выполнили свой долг и послали им книгу, я вижу, — сказал он.

— Что? О... это. Ну, вообще-то, нет, — замялся Барнаби. — Это... э... что-то вроде ланча. Завтра. Не буду больше отнимать у вас время. Я бесконечно благодарен.

Консул, сияющий и оживленный, протянул через стол руку и обменялся с Барнаби рукопожатием.

— Нет, нет, нет. Очень рад, что вы к нам пришли. Я совершенно уверен в успехе, учитывая все обстоятельства. *Nil desperandum**, знаете ли, *nil desperandum*. Поднимитесь над проблемой!

Но очень высоко подняться над потерей не получалось — два дня истекли, а ответа на объявления не последовало и ничего не дала долгая, буксовавшая из-за языка беседа с красивым представителем местного управления полиции. Барнаби сходил на официальный ланч в своем посольстве и поставился должным образом отреагировать на выраженные послом сочувствие и озабоченность. Но большую часть времени он сидел в садике на крыше пансиона «Галлико», где стояли герани в горшках и летали ласточки. Через французское окно его спальни можно было попасть в заброшенный уголок этого садика, и там он ждал, мучительно прислушиваясь к каждому телефонному звонку в пансионе. Периодически Барнаби возвращался к ужасной мысли заново написать сто тысяч слов своего романа, но от подобной перспективы

* Не надо отчаиваться ни при каких обстоятельствах (*лат.*).

ему становилось дурно не только эмоционально, но и физически, и он ее отбрасывал.

Время от времени Грант переживал ощущение резкого спуска в адском лифте. Забывшись сном, он вдруг просыпался, как от толчка, и оказывался в кошмаре наяву. Он говорил себе, что надо сообщить о случившемся агенту и издателю, но при одной мысли об этом рот наполнялся желчной горечью, и Барнаби продолжал сидеть и ждать телефонного звонка.

На третье утро Рим накрыла волна жары. В садике на крыше было как в духовке. Грант сидел один в своем уголке с несъеденной бриошью, горшочком меда и тремя осами. Его охватило что-то вроде смеси раздражения и апатии, на смену которой пришло в конце концов, видимо, само отчаяние. «Что мне нужно, — думал он, подавляя приступ тошноты, — так это хорошенько, черт возьми, выплакаться».

Подошел один из двух официантов.

— Finito?* — мелодично задал он обычный вопрос.

И затем, когда Барнаби согласно кивнул, вроде бы показал жестом, что ему следует уйти в номер. Поначалу Барнаби подумал: официант дает понять, что на крыше слишком жарко, потом — что его зачем-то хочет видеть хозяйка пансиона.

А затем, пронзенный внезапной надеждой, он увидел, как из ведущей на крышу двери пансиона вышел и направился к нему полноватый мужчина в накинутах на плечи пиджаке. Барнаби сразу же его узнал.

В голове Гранта в беспорядке пронеслись мысли. Он увидел этого мужчину словно бы между склоненных голов двух влюбленных, в сопровождении грома и молнии. И так и не смог определить, какое всепоглощающее чувство завладело им — одно лишь громадное облегчение или нечто вроде блаженного спокойствия. Он лишь подумал, когда мужчина вошел в тень и извлек из-под пиджака знакомый кейс, не грохнет ли он сейчас в обморок.

— Мистер Барнаби Грант? — спросил мужчина. — Полагаю, вы будете рады нашей встрече, не так ли?

* Закончили? (*итал.*)